

6. Малахов, В.С. Зачем России мультикультурализм? / В.С. Малахов // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ; под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. – М.: РАН, 2002. – С. 48–60.
7. Тлостанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М.В. Тлостанова. – М.: ИМЛ РАН, 2000. – 380 с.
8. Толкачев, С.П. Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/. – Дата доступа: 20.06.2017.
9. Цатурян, С.А. Мультикультурализм в США и Европе / С.А. Цатурян, Г.Ю. Филимонов // Политика и общество. – 2012. – № 2. – С. 62–71.
10. Штихве, Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / Р. Штихве // Журнал социологии и соц. антроп. – 1998. – Т. 1. № 1. – С. 41–53.
11. Щютц, А. Избранное / А. Щютц. – М.: Росспэн, 2004. – 1056 с.
12. Dodd, C.H. Dynamics of intercultural communication / C.H. Dodd. – Boston. MS: McGraw Hill, 1998. – 380 p.
13. Hirsh, E.D. Jr. The New Dictionary of Cultural Literacy / E.D. Jr. Hirsh, J. F.Kett, J.Trefil. – Boston – New York: Houghton Mifflin, 2002. – 320 p.
14. Modood, T. Multiculturalism / T. Modood. – Cambridge: Polity, 2013. – 208 p.
15. Radtke, F.-O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? / F.-O. Radtke // *Fliuchtpunkt Europa. Migration und Multikultur.* – М., 1998. – S. 138–157.
16. Sharma, S. Multicultural encounters / S. Sharma. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006. – 224 p.
17. Trager, G. Culture as Communication: A Model and Analysis / G. Trager, E. Hall. – New York, 1954. – 320 p.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ**
**INTERACTION OF CULTURES IN THE GLOBAL SPACE:
THE EXPERIENCE OF COMPREHENSION**

Л. В. Шубарина

L. V. Sabarina

Южно-Уральский государственный университет

Челябинск, Россия

South Ural state University

Chelyabinsk, Russia

e-mail: shubarina2009@mai.ru

В статье анализируются характерные черты глобализации, оказывающие влияние на культурные практики социума, способствующие культурной дифференциации социальных страт. Значительное внимание уделяется рассмотрению роли и функций языка в глобализационных процессах. Автор стремится показать, что глобализация как неравновесное

взаимодействие культуры-донора с культурами-реципиентами, трансформирует последних и служит фактором культурного расслоения.

Ключевые слова: глобализация, западная цивилизация, взаимодействие культур, транснационализация, транскulturация, гибридизация.

The article analyzes characteristic features of globalization affecting cultural practices of the society, promotes cultural differentiation of social strata. Considerable attention is paid to the role and functions of language in the globalization process. The author seeks to show that globalization as a non-equilibrium interaction between the culture of the donor with the cultures of the recipient, transforms the past and serves as a factor of cultural stratification.

Key words: globalization, Western civilization, the interaction of cultures, transnationalization, transcultural, hybridization.

Проблема изучения взаимодействия культур в современном мире является для научного сообщества одной из наиболее насущных, поскольку процессы глобализации не только многократно интенсифицировали культурное взаимодействие, но и породили множество разнообразных процессов, требующих осмысления.

Как прозорливо отмечал Э. Гидденс, глобализация «надвигается с Запада, несет сильный отпечаток политического и экономического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям». Он прогнозировал, что XXI век станет ареной борьбы между фундаментализмом и космополитизмом, накал которой не только не падает, но и постоянно возрастает [8, с. 2].

П. Бергер в глобализационных процессах видит вызов западной цивилизации остальному человечеству, который осуществляет американская культура. Проявляясь первоначально в экономической, технологической и социально-политической сферах, глобализация, как теперь очевидно, кардинально трансформирует сферу культуры страны-реципиента на основе культурной экспансии [5, с. 9].

Изучение культурных параметров глобализации показывает, что в настоящее время изменилась модель глобальной конкуренции: одной военной мощи для мирового доминирования уже недостаточно. Межкультурная коммуникация основана на конкуренции культурных ценностей и моделей общественного развития. З. Бауман замечает, что глобализация разобщает не меньше, чем объединяет и характеризуется новым пониманием глобального и локального. Глобальное расширение одних культур за счет свободного перемещения бизнеса, финансов, социальных паттернов оборачивается локальным обособлением других. Примером могут служить верхние и нижние слои общества.

Многочисленные достижения общественно-культурного пространства и технические достижения человечества способствуют изменению

ценностных приоритетов. В современном обществе, преодолевшем пространственно-временные рамки, мобильность стала не только индикатором благополучия, но и одной из главных общественных ценностей. Однако мобильность, свободно реализуемая элитами, недоступна обитателям нижних страт, удел которых – фиксированная территориальность, локальная замкнутость, что поляризует верхние и нижние страты. З. Бауман подчеркивает разные основания мобильности для верхних и нижних слоев бинарной оппозицией «турист» – «бродяга»: свободному выбору «туриста» противостоит вынужденное перемещение «бродяги» в поисках лучшей доли [4, с. 113].

Глобальное общество позиционирует ценности потребления, поддерживает конкуренцию желаний, навязывает послевкусие потребительской неудовлетворенности, однако если элиты в любой момент могут материализовать свои мечты, представители «низов» вынуждены быть свидетелями чужого успеха, погружаясь в виртуальное пространство. Глобализация создает ценностную пропасть между элитами и остальным населением, объединение элит основано на экстерриториальных ценностях, в угоду которым приносятся национальные ценности и интересы [4, с. 118]

В эпоху колониальных захватов взаимодействие западной цивилизации с автохтонными культурами протекало в виде культурных конфликтов, западные модели и образцы навязывались насильственно, вытесняя национальные традиции, верования, образцы. Подобной тактикой пользовались страны-победители на завоеванных территориях. В современном мире перенос культурных образцов осуществляется за счет развития индустрии туризма, средств массовой информации, интернет-коммуникации, широкой доступности высокотехнологичных товаров потребительского назначения. П. Штомка, размышляя, почему американская культура стала эталоном для других культур и движущей силой глобализации, видит причину этого в привлекательности американской модели организации социума: экономической мощи и искусном маркетинге [15, с. 611–612]. С ним солидарны многие западные специалисты, в частности П. Бергер пишет: «хотя Соединенные Штаты обладают огромной мощью, они не навязывают свою культуру другим странам в принудительном порядке» [5, с. 10].

Можно оспорить данные утверждения, поскольку современное западное общество давно освоило манипуляционные техники, а киноиндустрия и телевидение США, диктат которых отмечают исследователи, давно используют их в своих целях при общении с массовой аудиторией. Впрочем, П. Бергер признает, что глобальная (читай, американская) культура создает продукты, рассчитанные на

самые разные социальные страты, адресно воздействуя на самые разные общественные слои.

Неотъемлемой составляющей глобализации является транснационализация. Данный термин, как и понятия «трансгуманизм», «трансчеловек», «транскультурация», отражает перманентную трансформацию человеческой, социально-культурной и ценностной реальности. *Транснационализация* сопряжена с *постоянным изменением национальных культур*, поскольку контакт западной культуры с другими обществами происходит по алгоритму взаимодействия донора и реципиента, что сопровождается размыванием национальных черт последних, приобретением новых качеств, и даже полной утратой себя. Унифицированность, коммерциализированность, мобильность приходят на смену традиционных культурных принципов, вызывают коррекцию общественных норм, ценностной системы личности.

Транснационализация влечет за собой гибридизацию. Этому разноплановому и многоликому явлению исследователи затрудняются дать однозначное определение, как и предсказать его последствия для развития национальных культур, поскольку *гибридизация сопровождается расколотое общество, где сосуществуют поляризованные культуры верхних и нижних страт, множатся анклавы эмигрантов* [3, с. 100], господствуют идеалы потребления, неолиберальной идеологии, массовой культуры.

Радикальная коммодификация, предполагающая превращение в товар жизненно необходимых для человека благ, как отмечает В. Голофаст, создает угрозу существования культурной традиции [9, с. 1], хрупкость которой определяется тем, что генетически культурная традиция не передается, для ее сохранения требуются социальные механизмы и политическая воля государства. Транснационализация, коммодификация, гибридизация разрушают культурную память, расшатывают ценностные ориентиры, способствует межпоколенческим разрывам.

Глобальная культура основана на космополитизме, который, как справедливо замечает Л.Г. Александров, есть следствие нечувствительности к проявлениям национальной традиции [1, с. 27]. Одной из версий космополитизма предстает теория транскультуры М. Эпштейна, согласно которой транскультура являет собой состояние принадлежности одного индивида одновременно нескольким культурам, полной ассимиляции с той из них, в которой человек находится в данный момент. Данная теория является прикладной, частным элементом более фундаментального целого, каким является теория транскультурации, служащая основой целого ряда антиглобалистских теорий.

Хотя миновала эпоха колониальных захватов, западная культура, опираясь на евроцентризм, по-прежнему уверена в своей цивилизаторской миссии. Однако современная реальность показывает, что культурное взаимодействие имеет не односторонний, а двухсторонний характер, и доминирующая культура также ощущает на себе его последствия не только в социально-политическом, но и культурном пространстве, в частности, ментальном, где появляются новые смыслы и коды [12, с. 128]. Потому, предупреждает М.В. Глостанова, следует разграничивать транскulturацию как социальный процесс взаимопроникновения и взаимовлияния культур и транскulturацию как новое видение мира [12, с. 133–134].

Постколониальный период отмечен тем, что страны третьего мира взрастили своих интеллектуалов. Так же, как и глобалисты Запада, они обращаются к теме общей истории, пытаясь осмыслить общее прошлое. Так, Э. Саид глубоко убежден, что для понимания современных глобальных процессов необходимо исследовать империализм, но изучать его следует объективно, с обеих сторон, не только с точки зрения угнетателей, но и угнетаемых. Оценивая разделение между европейцами и туземцами как большую несправедливость, ученый считает, что в настоящее время «...приходится считаться с тем, что исторический опыт империи – это общее достояние. А значит, задача состоит в том, чтобы, несмотря на все ужасы, массовую резню и неотмщенную обиду, понять этот опыт как то, что принадлежит ... всем вместе» [10, с. 25].

Думается, что такой подход осмысления себя среди других культур продуктивен и для России при изучении ее внешних и внутренних контактов с другими культурами, а также при анализе взаимодействия российской элиты и остальных социальных слоев, что будет способствовать более глубокому осознанию себя в общем прошлом, настоящем и будущем.

Отдельно следует остановиться на роли языка в глобальных процессах, поскольку язык и культура представляют собой неразрывное целое. Будучи ядром культуры и предпосылкой ее развития, язык служит средой существования, консолидации и средством самовыражения ее представителей [7, с. 12]. Язык выступает инструментом, с помощью которого выстраивается картина мира, передаются мифы, формулируются идеологемы. Язык всегда использовался для конструирования социальной реальности.

Освоение языка обязательно для «вхождения в культуру», т. е. социализации. Согласно экспериментальным данным, в первых звуках, издаваемых младенцем, половина интернациональна, и только в процессе

общения с носителями языка происходит звуковая селекция, освоение необходимого звукового комплекса и овладение речью [13, с. 90].

Язык служит механизмом передачи социально-культурного опыта, а также средством порождения идей, поскольку оказывает влияние на их специфику. Это отмечал еще О. Шпенглер: «Другие культуры говорят другими языками. Для других людей – другие истины» [14].

Если в предыдущие эпохи войн и колониальных захватов существовала практика насильственного внедрения языка и культурных образцов, то в настоящее время английский язык выбирается индивидами добровольно, на основе прагматических соображений [15, с. 611]. Специалисты называют такое поведение упреждающей социализацией, когда человек, на основе внутренней мотивации, прилагает усилия к перестройке своего социального поведения в надежде получить доступ и быть принятым в среду более высокого социального или классового статуса [6].

Способность языка чутко реагировать на все изменения в обществе делает его индикатором всех социально-культурных трансформаций, поскольку языковая среда является эмоционально-смысловым камертоном событий. Изучение словарного состава языка позволяет получить представление об обществе в разных его измерениях: социальном, физическом, духовном, дает возможность определить приоритетные виды деятельности и базовые идеи, интересы и ценности [11, с. 240, с. 272].

Взаимодействие культур всегда сопровождалось языковыми заимствованиями, которые отражают степень, время и направление инокультурных влияний. Глобализация интенсифицировала этот процесс. Например, в современном русском языке наиболее наглядно демонстрируют заимствования сферы экономики, высоких технологий, развлекательной индустрии. Билингвизм, привносимый глобализацией, увеличивает языковой разрыв между молодежью и старшими поколениями.

Глобализация, наряду с экономической и политической унификацией, запускает процессы культурной гомогенизации, происходящие на основе языкового единства. Для крупных языков международное распространение становится политическим фактором. Выступая в качестве «мягкой силы», язык, расширяя свое присутствие в мире, усиливает экономическое, идеологическое, культурное доминирование государства [2, с. 15].

Благодаря достижениям XIX века и советской эпохи, русский язык и русская культура получили большое распространение и международное признание, однако в настоящее время международная роль русского

языка практически утрачена. Во всех бывших республиках, кроме России и Белоруссии, идет процесс замещения русского языка языком титульной нации, а в ряде стран, например, странах Балтии, на Украине – действует языковая дискриминация.

Изменилось и соотношение внешних функций русского языка: резко сократилась его роль как мирового и регионального, но перестав быть языком влияния, русский язык стал шире применяться в качестве контактного языка и языка бытового общения [2, с. 22]. Между тем Россия привлекательна для мигрантов из бывших республик Средней Азии, именно азиатский вектор развития содержит потенциал расширения языкового пространства русского языка.

Наблюдая за взаимодействием культур в процессе глобализации можно заключить, что культуры ведут себя как биологические организмы, где определяющим началом служит приоритет силы. Культурное взаимодействие в глобальном мире происходит на субъектно-объектной основе, ослабленной культуре грозит утрата самобытности, языка и поглощение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, Л.Г. О культурной трансформации философской терминологии, связанной с идеологемой космополитизма / Л.Г. Александров // Научные ведомости. Белгу, 2013. – № 23 (166). – Вып. 26. – С. 26–32.
2. Алпатов, В.В. Язык и общество в XXI веке / В.В. Алпатов // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Институт языкознания РАН. – М., 2014. – С. 11–24.
3. Астафьева, О.Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов / О.Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2012. – Т.6. – С. 97–107.
4. Бергер, П.Л. Культурная динамика глобализации / П.Л. Бергер // Многоликая глобализация. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 8–23.
5. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман – М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. – 188 с.
6. Большой толковый социологический словарь. – М.: АСТ, Вече. – 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://explanatory_sociological.academic.ru/2167. – Дата доступа: 02.06.2017.
7. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М. Изд-во РУДН. – – 2006. – 330 с.
8. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
9. Голофаст, В.Б. Гибридизация и культурные смеси / В.Б. Голофаст // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2003. – № 3. – 11 с.
10. Саид, Э.В. Культура и империализм / Э.В. Саид. – СПб: Владимир Даль, 2012. – 734 с.
11. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: «Прогресс»; «Универс», 1993. – 656 с.

12. Тлостанова, М.В. Транскультурация как модель социокультурной динамики и проблема множественности индентификаций / М.В. Тлостанова // Вопросы социальной теории. – М.: РАН, 2011. – Том V. – С. 126–149.
13. Чеснокова, В.Д. Индивидуальная культура / В.Д. Чеснокова // Актуальные проблемы культуры XX века. – М.: Знание, 1993. – С. 89–106.
14. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993 – Т.1. Введение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/spengler%3Dzakat>. – Дата доступа: 02.06.2017.
15. Штомпка, П. Социология / П. Штомпка. – М.: Логос, 2005. – 655 с.

ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА **THE LIMITS AND HORIZONS OF THE GLOBAL LANGUAGE**

Е. Г. Прилукова

E. G. Prilukova

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Россия
South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russia
e-mail: prilukova74@gmail.com

Статья посвящена становлению глобального языка в мире глобальной коммуникации как эффективного инструмента власти. Язык – основной компонент культуры. Языковые конструкции тесно связаны с сознанием человека и оказывают влияние на когнитивные процессы. Язык приобретает статус власти: отражает мир и задает его картину. Вместе с изучением глобального языка в национальные культуры привносятся универсальные ценности и образцы поведения. Однако сам глобальный язык претерпевает изменения. Все это оказывает влияние на особенности межкультурной коммуникации, которая должна осуществляться в форме диалога.

Ключевые слова: власть, глобальный мир, глобальная культура, глобальный язык, коммуникация, культурный код, мышление, национальная культура, язык.

The article is devoted to formation of a global language as an effective instrument of power in the world of global communication. The language is a major component of any culture. Language structures are closely connected with human consciousness and influence cognitive processes. The language acquires the status of power; it reflects the world and sets the world's image. Universal values and patterns of behaviour are introduced into national cultures along with learning the global language. However, the global language is changing as well. All this has an impact on the peculiarities of intercultural communication, which takes the form of dialogue.

Key words: power, global peace, global culture, global language, communication, cultural code, thinking, national culture, language.